

**“Дети не обрадуются этому мультфильму”. Яцук Виолетта
Ярославовна**

“Потец это холодный пот выступающий на лбу умершего. Это роса смерти вот что такое Потец”.

(А. И. Введенский)

“Потец” - жуткий мультфильм Александра Федулова по одноименной поэме обэриута, *“авторитета бессмыслицы”* Александра Введенского - психоделическая анимация с элементами хоррора. В этом жанре главным образующим элементом выступает саспенс - ожидание, предвосхищение ужаса. Он достигается откладыванием загадки, закрутившей сюжет, тем самым создавая атмосферу неведомого. Так, трое сыновей настойчиво добиваются у пожилого отца ответа на вопрос: “Что такое есть потец?”. Но данные детям на протяжении всего действия прямые (пусть и *“заумные”*) словесные и визуальные формулировки нисколько не утоляют их любопытство. Конечно, наиболее зловеще, если объект, вызывающий страх, невидим или непознаваем. Как же помыслить нечто настолько непредставимое, как смерть?

По закону жанра, мрачные и гнетущие чувства, возникающие во время просмотра, связаны не столько с визуальной составляющей (каждый кадр, взятый по отдельности, вряд ли мог показаться настолько пугающим), сколько с удачным совмещением со звуковым рядом и сценарным материалом. Мультфильм оказывается пронизан именно экзистенциальным страхом, столь близким самому Введенскому. Герои боятся смерти, но непреодолимо желают постичь её (*“Я хочу знать!”*, - как произнес бы сокуровский Фауст). Финал покажет, что разгадка доступна лишь тем, кто прошел через собственное переживание смерти, в данном случае - утраты.

В первые секунды фильма экран покрывается “паутинкой”, этот сетчатый рисунок напоминает потрескавшуюся в раме картину, отсылает к прошедшему, некому стилю ретро. Анимация выполнена в эффекте зарисовки или наброска, что отлично подходит для экранизации глубоко-философского и загадочного текста Введенского. Не навязываясь, подобная условность оставляет зрителю простор для домысливания. Здесь лица персонажей решены как застывшие маски с глубокими тенями, их глаза - черные бездны. Сыны со своими ручками-крылышками и куриными ножками напоминают птенчиков. Сколь же странным и тревожащим выглядит совмещение их тел с головами, напоминающими батюшек, и взрослыми голосами, порой объединяющиеся в хор. Дети с отцом-старцем зажаты в клаустрофобном пространстве - избушке без окон и дверей. Они богооставлены: на месте иконы зияет пустота и мгла, а за ней - мерцание звезд.

Возможности мультипликации позволяют не просто иллюстрировать поэтический текст, а находить образное визуальное воплощение замысловатым, поражающим воображение обэриутским метафорам. В поэтике ОБЭРИУ символ или знак замещен иероглифом, многозначным и точно не определяемым, действующим ассоциативно и чувственно. Так, вишенка, покачиваясь в воздухе, отбивает стук часов. Зажатая в кулаке, она брызжет кровавым соком, тут же рассыпаясь на множество семян безвозвратно. Даже в этом небольшом визуальном образе можно узнать главные поэтические темы Введенского, его знаменитую триаду: “Бог-Смерть-Время”.

Хотя, и для зрителей, хорошо знакомых с творчеством автора, приятно находить и точную (сыновья издают звук колокольчика; отец закуривает свечу, держа ее, как флейту), и нетривиальную материализацию текста

(например, “парный” танец сыновей со своими отражениями или же “разговор мыслями”, при котором из голов героев надуваются и улетают шарики-пузырьки).

Знаменательна сцена отцовской смерти: из норки выбегает мышка, разливается молоко и, будто подтверждая слова поэта, время прекращает свой ход (*“Чудо возможно в момент смерти. Оно возможно потому, что смерть есть остановка времени”*). Стробоскопический свет, мелькаемые движения создают эффект, когда каждый кадр предстает отдельным мигом. Эпизод кажется явно навеянным значимым мотивом “мерцания” мира у Введенского. (*“Пускай бегают мышь по камню. Считай только каждый ее шаг. Забудь только слово каждый, забудь только слово шаг. Тогда каждый ее шаг покажется новым движением <...> движение у тебя начнет дробиться, оно придет почти к нулю. Начнется мерцание. Мышь начнет мерцать. Оглянись: мир мерцает (как мышь)”*)

Часы. Вместо стрелок - туши рыб. Они движутся на сыновей, пока те пытаются остановить этот бег времени. Крупный план чешуи плавно переходит к общему - за столом с одним единственным блюдом сидят теперь повзрослевшие герои. Устроенные ими поминки есть приобщение к смерти. Как вспыхивали глаза отца на вечный вопрос детей, теперь сверкают их собственные. Они вкусили смерть - в их глазах отблеск знания о ней. *“Господи, могли бы сказать сыновья, если бы они могли...”* А на что еще способны мы сами?

Творческая работа художественной команды продолжает традицию обэриутов в со-творчестве, наделении образов личным смыслом и определении собственных отношений с произведением.